

РАССКАЗЫ

Меценат

Александр Сергеевич, идя утром с работы, любил выкурить сигаретку на Житнем рынке.

Там, напротив входа в мясной павильон, стоял маленький магазин, точнее, лавочка, где на полках стояли банки с разными сортами кофе в зернах, черными и зелеными чаями, кружки, заварники, турки – продукция народных промыслов, а также ручные кофейные мельницы, навевающие романтичному Александру Сергеевичу мысли о Средних веках.

И в этой лавчонке стояли две старинные кофеварные машины, судя по ним, вывезенные в счет репараций из побежденной Германии. В них варился кофе с толстой пенкой и таким вкусом, за которые в уличных кафе на Михайловской взяли бы гривен сорок, а здесь всего лишь семь.

Александр Сергеевич входил, кивал угрюмому хозяину с флагом полка «Азов» на груди и говорил с двусмысленной иронией:

– Доброго ранку! Слава нации – смерть врагам! «Американо»!

И потом пил кофе на улице, наблюдая базарные сценки.

Однажды он, пив таким образом кофе, вдруг совершенно неожиданно вывернул полный стаканчик на себя, ошпарив грудь и окатив шорты спереди. Курившие на скамеечке мясники поглядели и сочувственно ничего не сказали, а Александр Сергеевич с индифферентным видом пошел домой.

С таким же видом один босяк рылся в урне возле итальянской чебуречной, ища куски пиццы посвежее.

Это был не первый босяк с Житнего, с которым Александра Сергеевича свела судьба.

Дело в том, что раньше он, идя с работы, пил кофе не у входа в мясной павильон, а возле рыбного, где торговали носками, яйцами и вонючими желтыми цыплятами.

Там было больше движения и можно было услышать самые свежие утренние новости – по каким областям бомбили ночью, или смешные случаи из жизни уклонистов.

А на ступеньках рыбного павильона, где внутри в грязных эмалированных ваннах стояли сонные стада карпов и толстолобов, рядом с по-утреннему пустой урной стоял этот самый второй босяк, с которым пересекался Александр Сергеевич, идя с работы, курия и пья свой «американо».

Босяк с профессорской бородкой был похож на выгнанного из дому и еще не успевшего опуститься Васисуалия Лоханкина.

Интересно – Александр Сергеевич не раз это отмечал, – что среди босяков он никогда не встречал сельских жлобов, а только городских Жан Вальжанов. У него была своя социологическая теория на этот счет, но здесь для нее нет ни места, ни времени.

Босяк стоял на ступеньках в позе статуи, пристально смотря куда-то вдаль и вверх голов, как иногда смотрят домашние кошки, усевшись и уставившись в пустой угол под потолком, как будто что-то там видя. Это стало причиной того, что в ютубе заговорили, будто кошки видят

Сергей Зельдин родился в 1962 году в станице Ярославская Краснодарского края. Жил в г. Волжском, с 1974 года в Житомире. В «Волге» печатались рассказы (2017–2022), также публиковался в журналах «Крещатик», «Новый берег», «Дружба народов», «Зеркало» и др.

нечистую силу, или, говоря по-научному, сгустки темной энергии, которую они принимают на себя и всасывают.

Александр Сергеевич в это верил, так как когда-то, в особо тяжелый период своей жизни, когда он продал квартиру за девять тысяч прямо накануне пятикратного подорожания недвижимости, он жил с семьей на съемной квартире. И вот, идя пьяным домой, он подобрал в подъезде черного котенка. Котик, оказавшийся кошечкой, быстро вырос, сделался всеобщим любимцем, но вскоре зачах и сдох, не успев ни пожить, ни даже познать любовь. Еще тогда ветеринарша сказала, что животное наверняка приняло на себя чью-то темную ауру и ценой своей жизни спасло какое-то моральное чудовище, глядя при этом на Александра Сергеевича, так как ей, конечно же, было неприятно, что ветеринар с такой репутацией, как у нее, не смог вылечить паршивую кошку.

И этот босяк на ступеньках смотрел так же, как покойница Бася.

Это сразу понравилось Александру Сергеевичу, который по утрам, идя с суток, курил и попивал кофе в самом благодушном и человеколюбивом настроении.

Интеллигентный босяк ни у кого ничего не просил, ни к кому не цеплялся, как будто питался святым духом, курил воздух ипил росу.

И вот, в одно прекрасное июньское утро, когда природа пробудилась, базар бодро шумел, а над всем этим редела и выла сирена воздушной тревоги, не обращая на себя ничего внимания, Александр Сергеевич вдруг подошел к задумчивому босяку, протянул ему стаканчик с недопитым кофе и полсигареты и сказал, почему-то блатным тоном:

– Не побрезгуй, брат, возьми, от чистого сердца!

– Это мне? – сказал босяк, очнувшись от своих дум и посмотрел на Александра Сергеевича глазами ангела, приятно удивленного старым грешником.

– Сербай на здоровье! Удачи тебе! Держись! Жизнь, она полосатая! – сказал Александр Сергеевич и быстро пошел, чтобы избежать лишних слов благодарности

И с этих пор он каждый раз подходил к бомжу и угощал его недопитым кофе и хорошим бычком, который в советской армии назывался «генеральским».

И так же быстро уходил, не ожидая благодарных излияний.

Александру Сергеевичу казалось, что своим отношением он в чем-то воскрешает это запутавшееся существо к новой жизни.

Как вдруг, на четвертый или пятый раз этой филантропии, босяк догнал Александра Сергеевича в овощных рядах, где Александр Сергеевич покупал ранние помидоры.

Вид у босяка был смущенный, как у собаки, не знающей, чего ожидать от хозяина, пинка или ласки, глаза чудно блистали.

– Чуешь! – сказал он, волнуясь, и притронулся к Александру Сергеевичу страшной рукой, на которой не хватало разве что обезьяньей оспы, да и то до поры до времени.

– Да ладно! – сказал смущенный Александр Сергеевич. – Не стоит, брателла! На здоровье! Разное в жизни бывает. От сумы, как говорится...

– Чуешь, – сказал босяк, – дай пятнашку! Край надо! Так херово с бодуна, то хоть соточку накатить!

Александр Сергеевич дал этому чмошнику пятнадцать гривен и пошел домой с самым неприятным чувством.

На следующий раз он специально не подошел к бомжаре, решив его игнорировать. Но тот, едва завидев Александра Сергеевича, сам сбежал со ступенек рыбного павильона и с размаху дал ему «краба»:

– Здорово, братуха! – сказал он радостно. – А я тебя уже жду-жду, выглядываю-выглядываю! Только на тебя, дружан, вся надежда! Дай двадцатку!

– Нема! – сказал Александр Сергеевич, краснея от стыдухи, так как все кругом на него смотрели. – Самому помидоры покупать надо!

– Ну хоть пару гриваков! – ныл бомж. – Осыпь золотым дождем, брателла! – он ухмыльнулся. – Меценат, ебена мать!

Александр Сергеевич, как писали в старину, бежал.
И теперь курит у павильона «Мясо», хотя там не так кайфово.

Деменция

«Де...мен...ция...» – горестно прошептал Сергей Леонидович, выходя из ютюба.

Он втянул губы, пожевал ими, став похожим на Тома, которого Джерри треснул молотком по башке, потер переносицу, поднялся с дивана и пошел на балкон перекурить.

Настроение у него было упадническое.

Конечно, как любой человек, он помнил шутку Джерома Клапки Джерома о чтении медицинской энциклопедии, но на этот раз шутка не была такой уж шуткой.

Сергей Леонидович вспомнил, как недавно, перед войной, забыл, как зовут сестру жены Лелю, так что ему даже пришлось позвонить Наталье, чтобы она ему напомнила, как зовут Лелю – Аня или Люба.

Да что там такие мелочи! Как-то однажды он не мог вспомнить имени Булгакова!

Из ложно понимаемой гордости Сергей Леонидович не захотел обращаться к помощи техники, а стал вспоминать сам, недоумевая, как такое вообще можно в принципе забыть.

Он помнил все, что в данный момент к делу не относилось – отчество Булгакова – Афанасьевич, трех его жен – Танюшу Лаппу, брошенную классиком; Любовь Евгеньевну Белозерскую, в свою очередь бросившую его, и, наконец, отраду закатных дней писателя, Елену Сергеевну Шилловскую, с детьми уведенную Булгаковым у начальника штаба Московского военного округа.

«Отец, – думал Сергей Леонидович, – Афанасий Иванович, профессор Киевской Духовной Академии по кафедре истории западных вероисповеданий. Следовательно, поповский сын. Ну как мог назвать сына папа-поп? Петром, что означает на древнееврейском “камень”? Тогда было в тренде давать детям библейские имена. Убийца Лермонтова был Соломоновичем, а командующего юго-западной армией в четырнадцатом году, не сейчас, а в тысяча девятьсот – звали Николаем Иудовичем Ивановым. Павел? Нет. Матфей? Тоже нет. Семен? Яков? – Сергей Леонидович задумчиво почесал в голове. – Иноканаан Марусидзе? – он плюнул от злости и набрал в ютюбе: – Михаил!!! Михаил!!! Миша, твою мать!..»

Но если бы все дело упиралось всего лишь в этот несчастный, еще не старческий, но все же предстарческий, этот... как его?... Ну, когда все забываешь... Вечно Сергей Леонидович забывал это слово... Ну, короче, если бы только все дело бы было в этом, то это было еще бы полбеды.

Но с Сергеем Леонидовичем происходило кое-что похуже.

Так, он совершенно не соображал самых элементарных вещей, понятных каждому ребенку – почему убивают друг друга родные братья, хохлы и москали? Или, например, зачем много денег, если за них нужно платить или душой, или телом?

И так далее в том же духе.

Из-за этого от него навсегда ушла жена, воспользовавшись войной и уехав в Европу.

Сергею Леонидовичу вспомнился ютюб: «Деменция – приобретенное слабоумие, стойкое снижение умственной способности, с утратой...» – дальше он не помнил.

– Н-да-с, – негромко сказал Сергей Леонидович. – П...ц подкрался незаметно, хоть виден был издалека.

Он походил по комнате, мурлыча:

Лейся песня на просторе,
Не скучай, не плачь, жена,
Штурмовать далеко море
Посылает нас страна!

Он вдохновился и запел уже по-настоящему:

Курс на берег нелюдимый,
Бьется сердце корабля,
Вспоминаю о любимой
У послушного руля!

Сергей Леонидович энергически взмахнул рукой:

Вспомина-а-ю о любви-и-мой
У послу-у-шного р-руля-а!..

Вспомнив о любимой, Сергей Леонидович замолчал и заглянул в холодильник:

– Прежде чем искать, – сказал он наставительно, – нужно покласть.

Тут с улицы донесся звук воздушной тревоги и Сергей Леонидович устремился в подвал, где было бомбоубежище.

Поспешая по лестнице, он заметил, что бежит в одних носках и ему почему-то вспомнились слова Гека Финна о горении в аду:

– Ну, что же поделать, – сказал Сергей Леонидович. – Будем жить с деменцией.

Не нужно ложиться под поезд

Какие-то запасные пути.

Чувствуется близость «Москвы – Товарной» или «Саратова – Сортировочной».

Солнышко поигрывает на рельсах, ветерок колышет травку между шпал.

Юноша железнодорожного вида в фуражке с молоточками, навевающими воспоминания об ушедших временах, показывает рукою на полотно и говорит:

– Даже если вам зачем-то придет это в голову и вам очень этого захотелось, все равно не надо ложиться под идущий состав!

Как бы в подтверждение своих слов юноша с молоточками садится на корточки и опять указывает рукой – теперь уже на замерзшего и устрашающего вида крюк, свисающий из-под днища вагона:

– Поймите, – тоном врача-практиканта из психушки говорит юноша, – от нижней тяги до шпалы всего тридцать четыре сантиметра.

Юный путеец заглядывает в глаза и в души невидимых зрителей:

– Естественно, вам может показаться, что если вы хорошенько вдавитесь в землю и спрячете голову, то вам ничего не будет. Но это если гравий не лежит бугром. А если вас зацепит за одежду и пойдет разматывать по шпалам? – Юноша нехорошо усмехается: – Или у вас большой живот? Тридцать четыре сантиметра – всего лишь тридцать четыре! – отделяют вас от грани добра и зла.

Юноша вынимает складной метр, меряет расстояние и показывает результат крупным планом, на котором отчетливо видны не тридцать четыре, а двадцать пять сантиметров:

– Тем более, – говорит он...

Сергей Леонидович выключил телефон, поежил и даже поерзал спиной на своем диване.

Есть некоторые вещи, непереносимые для того или иного человека. Некоторые не переваривают крыс, о чем писал еще Оруэлл в «1984». Другие боятся до потери пульса змей, скорпионов и пауков «Черная вдова». Кто-то боится высоты настолько, что не выходит даже на собственный балкон помочь жене развесить белье и курит, трусливо стоя в проеме. Да мало ли еще. Много есть бзиков, или, проще говоря, фобий. И почти все они были присущи Сергею Леонидовичу. Поэтому он так живо представил тот момент, когда его, насаженного на крюк, разматывает по рельсам, что он даже прикрикнул.

Сергей Леонидович встал, надел майку, шорты, кеды и пошел в парикмахерскую. Он уже зарос без Натальи до такой степени, что с висков свисало нечто, подозрительно похожее на пейсы.

А так он любил ходить летом обнаженным, в смысле дома. Наталья уехала к сыну в Финляндию подальше от греха, тетя Раиса Васильевна жила на даче до осени, поэтому он мог ходить по квартире как угодно, особенно в жару с духотой.

Парикмахерская «100 грв.» находилась напротив автовокзала.

Сергей Леонидович заходил в нее еще утром, в восемь, когда шел с работы, но все два кресла были заняты, а на улице стоял и курил, дожидаясь своей очереди, еще и солдат из теробороны. Сергей Леонидович не стал ждать и пошел домой. А сейчас пошел думая, что никого не будет.

Он недавно получил давно лелеемое в мечтах пенсионное удостоверение и заранее смаковал скидку в 20 гривен для пенсионеров в этой парикмахерской, потому что в других ее не давали.

Эту надпись на витрине: «Все по 100 грв. Одной насадкой или пенсионеров по возрасту – 80 грв.», – он видел много раз и каждый раз думал: «Н-да-с... Живут-с...»

В глубине души, будучи фаталистом и мистиком, Сергей Леонидович не рассчитывал дожить до пенсии. Это было его очередной фобией – «боязнь шестидесятника». Его дедушка по маме, Василий Михайлович, кубанский казак, умер, едва перевалив за шестьдесят, от инсульта. Правда, он крепко пил самогон. На работе два сотрудника, дожив было до шестидесяти, умерли, так и не успев не только получить, но даже оформить пенсию. Один сгорел, спя с сигаретой в летней кухне, а второй, тоже в пьяном виде, упал в погреб, сломал ребро, но решил сэкономить на больнице и умер от заражения крови. Поэтому эта роковая дата, 60, – как в свое время 37 для Пушкина или 42 для Высоцкого – все время навевала на Сергея Леонидовича темное предчувствие.

Но вот пришло и прошло девятое апреля, день рождения Сергея Леонидовича, начались и окончились мытарства и волнения, связанные с оформлением пенсии, а с Сергеем Леонидовичем как ничего не было, так ничего и не случилось.

Пенсия вышла такая маленькая, что он прибрехал на работе, сказав цифру на тысячу гривен больше. Все сказали: «Вот суки, сами миллиарды крадут, а тут живи как бож!» Но лично Сергей Леонидович был доволен. Вообще, будучи философом и стоиком, он считал, что хватает тому, кому ничего не надо, что, конечно, было правдой.

Он еще не привык к своему новому статусу баловня судьбы и все еще с чувственным наслаждением говорил в трамваях и троллейбусах самым небрежным тоном: «Пэнсийнэ», – платя четыре гривны вместо восьми. И было жаль, что в маршрутках уже давно отменили такую скидку. Он даже получал дополнительное удовольствие от того, что кондуктора, люди битые и недоверчивые, с сомнением смотрели на Сергея Леонидовича, не веря, что ему уже есть шестьдесят, ибо он всегда, с самой молодости, был чрезвычайно моложав. Как-то однажды, через три года после армии, когда он женился и поехал на море с Натальей по путевке, в одном пляжном ларьке ему не дали бутылки крепленой «Лидии», пока он не принесет показать паспорт. Но если тогда, в восемьдесят пятом, ему хотелось рвать и метать, чтобы разнести этот вшивый притон вместе с 11-й станцией Большого Фонтана, то теперь он радовался своей непреходящей моложавости. Тем более, она была заслуженна – Сергей Леонидович не кушал сала после шести, на работу ходил пешком и раз в четыре дня делал зарядку для шеи от остеохондроза, упражнения для которой он взял из календаря.

Поэтому, подходя к парикмахерской, Сергей Леонидович заранее предвкушал удовольствие от пенсионной скидки и от недоверия и удивления парикмахерш, что такому моложавому мужчине уже шестьдесят. Разумеется, дело упиралось не в эти двадцать гривен экономии, на которые по теперешним временам было не купить даже буханку дешевого «Селянского», но все же это было делом принципа – а какого, он, в сущности, не знал, но если бы задумался, то понял бы, что кайфует, что, как и другие хваткие, деловые люди, вроде депутатов или министров, стрижет пух и перья с государства.

Сергей Леонидович, покуривая, подошел к дверям «100 грв.», заглянул и увидел, что оба кресла опять заняты, но что солдат теробороны, не тот что утром, а другой, уже достригается и можно подождать.

Сергей Леонидович, наблюдая обычные привокзальные сценки, в частности, цыганок, патрулей и инвалида в роскошной электроколяске, задумался. Но не успел он выбрать предмет размышлений, как взвыла сирена воздушной тревоги, и он нырнул в двери «100 грв.», то есть не нырнул, а быстро зашел. Раньше, в начале войны, ничего не работало. А когда понемногу заработало, то при первой же сирене из всех магазинов, аптек или парикмахерских клиентов сразу выгоняли на улицу, считая, видимо, что там им безопаснее. Сергей Леонидович всегда вспоминал при этом один момент в «Золотом теленке», где один инженер, якобы отравленный удушливыми газами, говорил, вырываясь из рук санитаров: «Но я же ехал на извозчике!» Но потом, с течением времени, хотя ракеты иногда продолжали прилетать, выгонять стали все меньше и меньше, наплевав на грозные «вказивки» пана городского Головы, а потом и вовсе забили. Это было правильно, ведь людям надо было кормить семьи, а не ждать у моря погоды.

Так что сейчас парикмахерши и два клиента – солдат и какая-то тетка с прической как у Смоктуновского в «Гамлете» – даже не повели ухом, продолжая свое дело.

Тут боец наконец встал, отряхнул остатки волос с ушей, сказал: «Дякую», – надел «бандеровку» и пошел на выход, ничего не платя, потому что военных стригли и поили кофе везде бесплатно.

– Пэнсийнэ, – с деланной небрежностью сказал Сергей Леонидович, усевшись в кресло, парикмахерше, подметавшей полы. – Сзади и сбоку «ноль», сверху «шестерка». Брови снять.

– Чубчик оставлять? – спросила девчонка-парикмахер, жуя резинку.

– А как же, – сказал Сергей Леонидович. – Пусть будет. Для красоты.

Постригшись и помолодев еще больше, Сергей Леонидович с тем особенным чувством бодрости, с которым мужчина выходит из парикмахерской, вышел на улицу и пошел домой.

Он жил недалеко от автовокзала, рядом с жэдэ вокзалом. Это было, конечно, стремноватое место. Все уже знали, как опасно жить рядом с военными частями, нефтебазами, полигонами, военными аэродромами, а также школами и детскими садами, где селили военных. И, естественно, железнодорожный вокзал тоже не был исключением, представляя ценность для «Калибров» и «Искандеров». Было просто счастьем, что Житомир не был узловой станцией и потоки воинских грузов обтекали его с двух сторон. Но, коню понятно, что это еще не давало никаких гарантий, и все жители улицы Вокзальной и Вокзального переулка жили «на измене», вздрагивая от хлопнувшей подъездной двери и с тоской вслушиваясь в воздушные тревоги. У многих все окна и балконные двери со стороны привокзальной площади были круглые сутки приоткрыты, что якобы предохраняло стекла от воздушной волны. Иные даже клеили окна бумагой крест-накрест, вызывая вполне понятные ассоциации.

Но Сергей Леонидович как старый стойкий и фаталист, не только не клеил окна, но даже не бегал в бомбоубежище. А когда соседи говорили ему об этом, он говорил:

– Та! – бравируя своей бесшабашностью. Хотя на самом деле всегда лежал в ванне, свернувшись калачиком, так как где-то прочитал, что ванная самое безопасное место в доме.

К тому же, будучи мистиком и стойком, дураком он не был и обходил здание вокзала стороной, садясь в троллейбус в квартале от него и не заходя внутрь, хотя там в киоске продавались ценные кроссворды.

Сергей Леонидович попил «американо» под гастрономом «Зализнычник», закурил, посмотрел на вокзал и ему почему-то вспомнился крюк под вагоном.

Тут как по заказу завывла сирена воздушной тревоги.

– Не нужно ложиться под поезд, – пробормотал Сергей Леонидович и побежал домой дворами.